

или гуси. Гуси,—такъ до полночи значить. *И все это я знаю*“. И исполненный мудрости древняго бога Пана, Ерощка о хваленомъ „умѣ“ человѣка говорить: „Эхъ-ма! *Глупъ человекъ, глупъ, глупъ человекъ!*“

Въ художникѣ Толстомъ сидитъ настоящій Ерощка. Въ *мсу* *человѣческой жизни* онъ *все знаетъ*. Всякую птицу найдетъ, слѣдь увидитъ и ужъ *знаетъ* *звѣря*. Ему одинаково ясно, что дѣлается въ душѣ Анны Карениной, что думаетъ старый меринъ Холстомѣръ, какъ рождаетъ Китти, каковы предсмертныя мысли князя Андрея. И когда уже онъ знаетъ, то знаетъ такъ, какъ никто изъ людей не знаетъ. И исполненный этого знанія, онъ, какъ художникъ, объ „умѣ“ человѣческомъ съ потрясающей силой говорить: „глупъ человекъ, глупъ, глупъ человекъ!“

Въ одномъ письмѣ онъ съ тоской говорить: „Нѣтъ умственныхъ и, главное, поэтическихъ наслажденій. На все смотрю какъ мертвый, то самое, за что я не любилъ многихъ людей. А теперь самъ только вижу, что есть, *понимаю, соображаю, но не вижу* *насквозь съ любовью, какъ прежде*“. И въ письмѣ къ Фету эта противоположность между Толстымъ - Ерощкой и Толстымъ - Нехлюдовымъ находить классическое выраженіе: „*То чувствуешь себя богомъ, что нѣтъ для тебя ничего скрытого, а то глупѣе лошади*“.

Своевременно поставить вопросъ: какое намъ дѣло до Нехлюдова? Нехлюдовъ—самозванецъ. Это—„лошадь“, которая разыгрываетъ изъ себя бога только потому, что на ней ѣздилъ богъ. Всѣ свои богословскія сочиненія Толстой пишетъ не благодатью художника, которую мы чтимъ благоговѣйно, а насильственнымъ самозванствомъ Нехлюдова. Но мы хотимъ учиться у „бога“, для котораго нѣтъ ничего скрытаго, который все видитъ насквозь съ любовью, который самымъ фактомъ своей геніальности свидѣтельствуешь о томъ, что *призванъ* сказать что-то нужное и важное для насъ, но и мы рѣшительно отказываемся слушать Нехлюдова, когда онъ устремляется въ духовный вертоградъ человѣчества и топчетъ и мнетъ въ немъ лучшіе и благородные цвѣты.

Вопросъ о равноправности двухъ Толстыхъ послѣ всего выше-сказаннаго не имѣетъ смысла и силы. Первый Толстой даритъ насъ художественными *откровеніями*, которыя въ цѣломъ міровой литературы занимаютъ совершенно безспорное мѣсто. То, что сказалъ Толстой, никто никогда до него не говорилъ. Онъ суще-